

Степанова Е. О.

ORCID ID: 0000-0003-3216-4299

Челябинск, Россия

E-mail: stepanova eo2@cspu.ru

Ху Чжиюань

ORCID ID: 0000-0002-3631-6109

Челябинск, Россия

E-mail: 179855051@qq.com

УДК 821.581-34

DOI: 10.26170 / 2306-7462_2022_01_05

АКСИОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ СКАЗОЧНОЙ ПРОЗЫ НА МАТЕРИАЛЕ СКАЗКИ «БРАТЬЯ ХУЛУ»

Аннотация. В статье рассматриваются мотивные, жанровые, образные и идеологические традиции, нашедшие воплощение в сказочной повести Ши Цзяньхуа «Братья Хулу». Анализируются мотивы следования за своей судьбой, взаимовыручки, преодоления преград на пути к «волшебному» миру. В качестве характерных аксиологических основ китайской сказочной прозы выделяются смирение и принятие своего пути, пиетета ученика перед учителем, равенства и взаимосвязи природного и человеческого мира. Поставленный в центр сказки образ тыквы-горлянки описывается в статье как неоднозначный. Делается вывод о том, что Хулу – утопический символ-талисман, несущий в себе смысл потенциальных возможностей, предоставленных герою жизнью и судьбой, однако их реализация полностью зависит от самого персонажа.

Ключевые слова: китайская литература; китайские писатели; писатели-сказочники; литературные жанры; сказки; гуши; тунхуа; аксиология; мотив судьбы; литературные сюжеты; литературные мотивы.

Stepanova E. O.

Chelyabinsk, Russia

Hu Zhiyuan

Chelyabinsk, Russia

AXIOLOGY OF MODERN CHINESE FAIRY-TALE PROSE ON THE MATERIAL OF THE TALE “THE HULU BROTHERS”

Abstract. The article examines the motivational, genre, figurative and ideological traditions, embodied in the fairy-tale story “The Hulu Brothers” by Shi Jianhua. The author analyzes the motives of following one's destiny, mutual assistance, overcoming obstacles on the way to the “magic” world. The axiological foundations of Chinese fairy-tale prose are highlighted as characteristic of humility and acceptance of one's path, the reverence of a student to a teacher, the equality and interconnection between the natural and human worlds. Placed in the center of the fairy-tale, the representation of a calabash is described as ambiguous. It is concluded that Hulu is an utopian talisman-symbol that carries the meaning of the potential opportunities provided to the hero by life and fate, but their implementation depends entirely on the character himself.

Keywords: Chinese literature; Chinese writers; fairy tale writers; literary genres; fairy tales; goose; tonghua; axiology; motive of fate; literary plots; literary motives.

На протяжении насчитывающей тысячелетия, начиная с эпохи династии Шан (商代), и так называемых гадальных костей Цзягувэнь (甲骨文), истории китайской литературы, она постоянно обогащалась новыми смыслами и традициями. Процесс её развития отличается непрерывностью – даже если книги и уничтожали (220-е гг. до н.э., в эпоху правления Цинь Ши Хуанди или на рубеже XVI-XVII веков – на фоне монгольских завоеваний), то за этим непременно следовало восстановление оригинальных текстов, которые считали в Китае священными: «Одной из важнейших ее особенностей является... то, что она в отличие от многих мировых литератур ..., ни на один исторический момент не прерывалась, но поступательно развивалась – в эстетическом, идейно-тематическом, жанрово-формальном, языковом и других отношениях. Все это время литература пользовалась признани-

ем и любовью в самых разных слоях общества ... Пиетет к искусству слова был настолько велик, что традиция запрещала уничтожать какую бы то ни было бумагу, исписанную иероглифами» [Сорокин 2008: 16]. Стоит отметить, что письменность в Китае всегда стояла особняком от устной речи и развивалась тоже отдельно. Китайцы считают искусство владения словом высшим из всех возможных, наравне с каллиграфией.

Современная китайская литература имеет существенно отличающиеся структуру и смысл, нежели древняя, но мифы и легенды стали её началом и основой: «Века XIX и XX обернулись для Китая серьезными социально-экономическими потрясениями (колониальные войны, две революции, японская агрессия, режим Мао Цзэдуна), однако религиозно-мифологическая традиция продолжала существовать, вновь и вновь доказывая свою живучесть» [Королев 2007: 14]. Уже после следуют историческая проза и рассказы о мастерах, стихотворения и песни, повести (хуабень) и романы. В их основе лежат преимущественно легенды и мифы Древнего Китая. Такие произведения отражают народные представления о добре и зле, порядке и хаосе.

Детская литература современности, в частности китайская сказочная проза, опирается на традиции цюй-и (曲艺) «литературы, которая рассказывается и поётся» [Спешков 2008: 110]. К её особенностям следует отнести приключенческий характер, остросюжетность, соединение прозы с поэзией, наличие музыкальной, драматургической и др. составляющих, делающих сказочную повесть синтетическим жанром, соединяющим разные виды искусств, отсюда появились термины гуши (故事) (предание, сказание, сказка) и тунхуа (童话) (детский рассказ, детская сказка), из которых современная сказка заимствует «прозаизм и “приземленность” сказочной фантастики». Все эти понятия принято считать синонимичными, поэтому, мы в своей работе, будем использовать термин «сказка», в значении термина-лакуны «тунхуа» и в качестве синонима словосочетания «сказочная проза» [Упоров 2019: 111].

«Сказка – один из древнейших видов словесного искусства. Она уходит корнями в народное творчество доклассовой эпохи и до сего дня остается спутником человека, доставляя ему огромное художественное наслаждение. Высокие поэтические достоинства сказки в значительной мере объясняются тем, что в ней выражены накопившиеся столетиями мысли и чувства народа» [Мелетинский 2005: 3]. Сказка несёт в себе мощный дидактический потенциал, показывая в своих героях те качества, которые признаются культурным сообществом, её породившим, образцовыми: «Ведущими аксиологическими составляющими китайских сказок выступают великодушные, доброта,

благорасположение и готовность помочь, радость при оказании услуги. Герой в китайских сказках самоотверженно совершает подвиги, не думая о себе: он спасает других и вследствие этого сам становится счастливым. Кроме того, храбрость занимает одну из главенствующих позиций в ценностной картине мира китайцев» [Лобанова 2014: 131].

Целью исследования является выявление аксиологических основ современной китайской сказочной прозы на материале сказки «Братья Хулу» («葫芦兄弟») [师建华 2016; здесь и далее перевод наш – Е. С.; Ч. Х.]. Аксиология позволяет исследовать вопросы, связанные с природой ценностей, их актуальным наполнением и структурой ценностного мира, то есть рассмотреть связь различных ценностей между собой, с социальными и культурными факторами, структуру «национальной» личности.

Не зря В. В. Малявин в своём исследовании «Китайская цивилизация» подчёркивает, что основанная на традиции литература позволяет человеку вновь и вновь возвращаться к истокам человечности в себе, поскольку ориентирована на эмоциональное восприятие [Малявин 2001]. Увлекая читателя в мир приключений и фантазии, доступное и интересное повествование позволяет постигать ценности китайского народа. В содержании сказки отражены многие особенности китайской культуры. «Братья Хулу» несёт в себе такие аксиологические смыслы как: мечта о богатстве и благополучии, утопическим символом которого становится тыква хулу, реализация потенциала и возможностей, которые предоставляют жизнь и судьба, антитеза добра и зла. Они реализованы в мотивах следования за своей судьбой, взаимовыручки и поддержки, связанном с образом спутника главного героя, преодоления преград на пути к «волшебному» миру.

Изначально «Братья Хулу» (также известные как: Хулу Мальши или ХулуВа) обрели анимационную жизнь и стали героями всемирно известного мультфильма. 13-серийный мультипликационный фильм «Братья Хулу» («葫芦兄弟» (又名: 葫芦娃)), выполненный при помощи техники вырезания из бумаги, создан Шанхайской киностудией (上海美术电影制片厂) в 1985-1987 годах. Мультфильм стал классикой китайской анимации. В нём рассказывается о 7 волшебных тыквах (Хулу葫芦) – 7 братьях, которые отправились спасать своих близких от злых духов, демонов, драконов и прочих порождений inferнального мира.

Уже киноверсия выполняет важные задачи знакомства зрителя с традиционным искусством. Анимационный фильм сделан в адаптированной технике, трансформирующей и актуализирующей искусство вырезания из бумаги цзяньчжи (剪纸), которое в Китае восходит

ко второму веку нашей эры и отнесено по версии UNESCO к числу мирового культурного наследия. «Братья Хулу» передают в сюжете обычаи и быт сельской жизни через такие анимационные приёмы как качественная прорисовка вручную и вырезка деталей из бумаги. Одноцветные плоские картинки вошли в обиход как часть праздника, имели цель воплотить в материальной форме добрые пожелания и приблизить воплощение мечты: «Народные мастера древнего Китая, вложив в декоративные композиции цзяньчжи символическое значение с функцией оберега, желали ее владельцам счастливой и долгой благополучной жизни. Семантика “бумажного кружева” многогранна и глубока, а традиция его использования в качестве декора, сопровождающего значимые для человека дни праздников и торжеств, актуальна и сегодня» [Мартынова 2020: 17]. Гротескно-игровую стилистику мультфильма определяет и его адресация детской аудитории, и связь с символическим видом искусства, которое «никогда не копировало напрямую природные явления» [Шэнь 2016: 115]. Фигуры в стиле марионеток театра теней и классической живописи тушью несут старинный китайский колорит, а снимки сделаны настолько аккуратно и точно, что каждый персонаж волшебного мира наделяется не только своей формой, но и механикой движения, набором характеристик, настроений, состояний и т.д.

Режиссёрами картины являются пионер в адаптации цзяньчжи к анимации Ху Цзиньцин (胡进庆), и известный интересом к конфуцианским по своей природе текстам Чжоу Кэцин (周克芹), а сценаристами из команды Шанхайской киностудии были Яо Чжунли (姚忠礼), Ян Юйлян (杨玉良) и Мо Янь (墨犛).

Серия книг «Братья Хулу», написанная Ши Цзяньхуа (师建华) по мотивам мультфильма вышла в 2016 году. Автор активно обращается к детской литературе и к моменту выхода истории семи тыкв уже был известен сказкой «Пчелы и дождевые черви» («蜜蜂与蚯蚓»). Главные герои его книги, – маленькие братья Хулу, старик и панголин, – попадают в невероятные истории: сражаются с огнедышащим драконом, вступают в бой с монстрами при этом всегда приходят друг другу на выручку.

Обращаясь к тексту, созданному по фильму, мы остаёмся в русле литературоведческой традиции, которая рассматривает словесное творчество Китая как явление априори синтетическое: «Что касается поздней мифологической традиции Китая – так называемой синкретической мифологии, – здесь основными источниками сведений являются, помимо литературных сочинений, сводов и словарей, источники, так сказать, “наглядные”: народные картины, существовавшие в двух

видах – как бумажные иконы для жертвоприношений, изображавшие богов и предков, и как поздравительные “открытки”, которые было принято дарить на Новый год и которые своими сюжетами (зачастую именно мифологическими) символизировали благие пожелания дарителей адресатам» [Королев 2007: 17].

Сюжет «Братьев Хулу» Ши Цзяньхуа организован вокруг общесказочного мотива пути («Герой совершает свои подвиги ... в пути-дороге, отдельные участки которой мифологически отмечены (лес как сфера демонических существ, река как граница различных сфер, нижний и верхний миры и т. п.)» [Мелетинский 1994: 65]). Традиционно тексты большой повествовательной формы – будь то пинхуа или авторский роман – ориентированы в системе морально-нравственных координат: «Путь, в который отправляются герои, изначально есть путь просветления и избранничества» [Сейбель 2021: 220]. Необходимость исправить мир и вернуть утраченную гармонию становится исходной посылкой в самых известных текстах («Речные заводы», «Путешествие на Запад»), с которыми завязка «Братьев Хулу» существенно сходна: согласно легенде, у подножия Тыквенной горы живут два монстра – дух змеи и дух скорпиона. Легкомыслие персонажа нарушает устоявшийся порядок: любознательный панголин случайно забрался в пещеру этой горы, выпустил чудовищ, которые сразу принялись причинять вред миру и людям, а его самого при этом придавило камнем.

С первой же книги мы встречаемся с ключевым персонажем – стариком, который мирно собирает лечебные травы и невольно оказывается втянутым в события глобальных масштабов. Он – воплощённая мудрость, традиционный Учитель, обладающий в китайской литературе ореолом святости, как писал Ли Бо: «Он – гора. / Мы склоняемся перед горой. / Перед ликом его – / Мы лишь пепел и прах».

Своё первое доброе дело он совершает по стечению обстоятельств. Добросердечный старик, собиравший лекарственные травы на горе, попал в пещеру и спас панголина, а затем узнал от него о причюившейся беде и возможности спасти мир от сбежавших монстров. Образ, родственньй древнекитайским монахам-отшельникам, встречавшимся ещё в «Отце-рыбаке» Цюй Юаня и неоднократно повторенньй Суньскими повестями и классическими романами – мудрец, способный спокойно принять необходимое и совершить добро, не рассчитывая на награду: «Они были простыми подобно неотделанному дереву; они были необъятными, подобно долине; они были непроницаемыми, подобно мутной воде. Это были те, которые, соблюдая спокойствие, умели грязное сделать чистым. Это были те, которые своим умением сделать долговечное движение спокойным, содействовали

жизни. ... Не желая многого, они ограничивались тем, что существует, и не создавали нового», – пишет о таких людях Лао Цзы (老子). В цепи добрых дел спасение стариком панголина (穿山甲) – событие, наделённое категориальным смыслом. Совершённое им не является простой случайностью: в начале сказки герой совершает одно благое деяние за другим – не всегда удачно, но он бросается на помощь птенцам, на которых пытается напасть змея, выяснить причины ветра. Совершение добрых поступков – его природа, судьба, Дао (道). Идея следования за своей судьбой – основная идея Дао, определяющая китайскую культуру. Обстоятельства складываются в цепь последовательных, соединённых причинно-следственными связями дел и событий. Спасая чудесную ящерицу, он не просто творит добро, в этом поступке устанавливается связь мира людей и мира животных, родственность и близость всего одушевлённого.

Героям выдвинуто условие: если им удастся найти драгоценное семечко и вырастить волшебные тыквы – Хулу, то они непременно смогут уничтожить монстров. В итоге, семя тыквы найдено, она пустила корни и проросла, и вскоре появились тыквы семи цветов, а затем, они превратились в уже известных нам «Братьев Хулу» с различными способностями (сила, скорость, прозорливость), с разной степенью связности с природными стихиями (огня, воды, дерева, металла).

Наряду с Дао главного героя в сказочной повести Ши Цзяньхуа есть также Дао спутника, в нашем случае – это панголин, который сыграл роль проводника. В китайских сказках «в мир людей герой возвращается с помощью чудесного помощника, друга, которого он обретает в подземном царстве, оказав ему немаловажную услугу» [Рифтин 2007: 11]. Стоит ещё раз вспомнить культовое произведение «Путешествие на Запад» («西游记»), в котором верными спутниками монаха служат ученики, наделённые человеческими чертами: Обезьяна Сунь Укун (孙悟空), Свинья Чжу Ба-цзе (猪八戒), людоед Ша-сэн (沙僧), и ставший белым конём сын царя драконов Западного океана, Юлонг (玉龍). Вместе с танским монахом Сюань-цзяном (玄奘) они образуют священную «пятерку» – образ человека, наделённого разумом, волей, чувствами и т.д. – каждый из них воплощение той или иной человеческой черты. Сунь Укун, как и Панголин в сказке Ши Цзяньхуа «Братья Хулу», попадает в передрагу, устраивая переполох в небесных чертогах, за что впоследствии Будда заточает его под гору Пяти стихий на пять столетий. Мотив спутника, которому тоже уготован свой «Дао»: помогать, быть рядом – достаточно частотен. Звери-оборотни – важные для китайской знаковой системы, активно появляющиеся

у Гань Бао (干宝) в «Записках о поисках Духов» (搜神記, кон. III – нач. IV в.), Пу Сулия (蒲松齡) в «Рассказах Ляо Чжая о необычайном» (聊齋志異, 1752-1766), Лу Синя (魯迅) «Старые легенды в новом изложении» (故事新編, 1936) – в большинстве случаев оказываются двойственными персонажами, воплощающими справедливость судьбы, выполняющими функции судьи и покровителя человека – с одной стороны, но и неразумную силу природы, безразличную к судьбе человека, стихийную и неконтролируемую – с другой. «Вера в оборотней сохранилась в Китае во многом благодаря религиозному даосизму, сложившемуся в первых веках нашей эры. Даосы включили в свой культ образы так называемой низшей мифологии (духи стихий, оборотни, неприкаянные души умерших)» [Рифтин 2007: 11].

Соединение даосских, конфуцианских и буддистских традиций – не является прерогативой сегодняшнего дня. Уже «к концу I тысячелетия в Китае происходит всё большее сближение различных мифологических систем и создаётся так называемый религиозный синкретизм и соответствующая синкретическая мифология, объединившая в единую систему персонажей даосской, буддийской и народной мифологии, а также конфуцианского культа» [Рифтин 1994: 659].

Странствие вглубь пещеры также имеет глубокие корни в китайской литературе. В мифологических системах многих народов пещера «противостоит миру вне её как невидимое видимому, темное светлому» [Топоров 1994: 311]. В сказке «Братья Хулу» пещера холодна, наполнена «отвесными камнями причудливой формы» [师建华 2016] – она страшное препятствие, которое необходимо одолеть с помощью храбрости, надежды и знаний (лечебные травы, которые собрал старик, очень помогут и ему, и панголину). Традиционно переход из стихии в стихию, смена состояний символизирует переход из мира живых в мир мёртвых. В сказке «Братья Хулу» Ши Цзяньхуа таким переходом становится эпизод, когда подул сильнейший морозный ветер, да такой, что животные стали замерзать, что по книге означало момент освобождения злых духов, их приход в наш мир. Преодоление преграды (река, пещера, гора и пр.) на пути к волшебному миру и к утопии во многом определяет национального героя, воплощающего народный китайский характер. Из века в век литературные герои одолевали препятствия, преграды и препоны ради утверждения «полезно-прекрасного добра» перед «вредно-безобразным злом» [Титаренко 2007: 118]. Образцы героизма, смелости, доброты, ума и ловкости, проявляемые главными героями противопоставлены в «Братьях Хулу» ужасным чудовищам, в лице духа змеи и духа скорпиона.

Задача Старика и Панголина «...отнять у похитителя, пришельца из иного мира, и вернуть «своему» герою из мира людей» [Рифтин 2007: 11] неопценимую ценность, которую представляет собой волшебное семя, способное превратиться в прекрасное тыквенное дерево (南瓜树) – традиционного для китайской культуры объекта – Тыквы Хулу (или Тыквы-горлянки). Эта тыква считается волшебным традиционным китайским предметом, с которым связана целая культура, передававшаяся из поколения в поколение. Считается, что тыква Хулу приносит удачу, богатство и благополучие, уже не первое столетие из неё делают различные предметы, украшения, в том числе талисманы-сосуды для воды. Живительная влага, собранная в тыкве Хулу, обладает большой ценностью и защищает от различных недугов. Ей также приписывают свойства оберегать от неприятностей, продлевать жизнь.

Проходящие путь испытаний и подвигов герои не получают никакой материальной награды. Награда героя в Китайской культуре – это не что-то готовое, как в европейской традиции, это возможности и потенциал. Даже, когда старик находит волшебное, сияющее семя, он не получает какой-то «полезной» для него награды, он получает то самое «зерно», которое и символизирует начало, символизирует возможность начать, реализовать потенциал. Судьба и жизнь ведут персонажей, и если персонаж благочестив и добр, а его поступки чисты, тогда он получает возможность реализовать потенциал и изменить свою жизнь к лучшему навсегда, сделав это на духовном уровне бытия.

Таким образом, сказка «Братья Хулу» отражает в качестве важнейших аксиологических ценностей традиционные для китайской культуры мотив пути, выражающийся в Дао главного героя и Дао спутника; преодоление преград и трудностей на этом пути через символический переход; мотив «полезно-прекрасного добра и вредно-безобразного зла», который выражается в чёткой и однозначной категоризации понятий «добро» и «зло»; веру в символы и талисманы, на примере тыквы Хулу, являющейся утопическим символом богатства и благополучия; возможности и потенциал в качестве «награды», поощрения.

Крайне важно изучать аксиологию китайской сказочной прозы, поскольку детская сказка занимает большое место в истории, литературе и культуре китайского народа. Аксиологический анализ сказки «Братья Хулу» Ши Цзяньхуа позволил в качестве характерных аксиологических особенностей китайской сказочной прозы выделить: смиренное следование за своей судьбой, мотив взаимовыручки и поддержки (образ спутника), преодоление преград на пути к «волшебному» миру, категориальные ценности «добра» и «зла». Хулу – утопический символ-талисман, несущий в себе смысл потенциальных возмож-

ностей, предоставленных герою жизнью и судьбой, однако их реализация полностью зависит от самого персонажа.

ЛИТЕРАТУРА

Ершова Ю. А. Сюжеты и мотивы китайских поздних прозаических сказов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 5 (90), 2014. С. 151-157.

Королев К. М. Китайская мифология: энциклопедия / сост., общ. ред. и предисл. К. М. Королев. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. 414 с.

Лобанова Т. Н. Переводческий и аксиологический аспекты текстов китайских сказок / Т. Н. Лобанова, А. С. Новикова // Ученые записки ТОГУ. 2014. Т. 5. № 1. С. 127-132.

Малявин В. В. Китайская цивилизация. М.: Дизайн. Информ. Картогр. [и др.], 2001. 627 с.

Мартынова Н. В. Феномен традиционного китайского орнаментального искусства цзяньчжи: традиции и современность / Н. В. Мартынова, Д. Р. Слипецкая // American Scientific Journal. 2020. № 37-1(37). С. 12-17.

Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. М.: Академия Исследований Культуры; СПб.: Традиция, 2005. 237 с.

Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. М.: РГГУ, 1994. 146 с.

Рифтин Б. Л. Китайская мифология // Мифы народов мира: энциклопедия : в 2 тт. / под ред. С. А. Токарева. Москва – Минск: Русич, 1994. Т.1. С. 653-662.

Рифтин Б. Предисловие // Сказки Китая. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. С. 5-24.

Сейбель Н. Э. Ритуальные функции волос Сунь У-Куна в романе У Чэн-Эня «Путешествие на Запад» // Научный диалог. № 2, 2021. С. 218-230.

Сорокин В. Ф. Китайская литература // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. Т.3. Литература. Язык и письменность. М.: Вост. лит., 2008. 855 с.

Спешков Н. А. Песенно-повествовательное искусство // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. Т.3. Литература. Язык и письменность. М.: Вост. лит., 2008. 855 с.

Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. Т.2. Мифология. Религия / ред. М. Л. Титаренко и др. М.: Вост. лит., 2007. 869 с.

Топоров В. Н. Пещера // Мифы народов мира: энциклопедия в 2 тт. / под ред. С. А. Токарева. Москва – Минск: Русич, 1994. Т. 2. С. 311-312.

Упоров А. В. Сущность китайских сказок, аспекты и этапы их изучения и проблемы типологии // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2019. № 3(29). С. 108-115.

Шэнь Т. Символизм в народном китайском искусстве художественной вырезки узоров из бумаги / Т. Шэнь, С. Чжоу // Вестник научных конференций. 2016. № 2-1(6). С. 114-118.

Ян Хун-Шун. Дао Дэ Цзин. Древнекитайская философия: собрание текстов в 2 тт. М.: Мысль, 1972. 363 с.

Ян Хун-Шун. Древнекитайский философ Лао-Цзы и его учение. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 158 с.

师建华. 葫芦兄弟 (全13册. 南方出版社, 2016. 416 页).

REFERENCES

Ershova Yu. A. Syuzhety i motivy kitayskikh pozdnikh prozaicheskikh skazov // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. № 5 (90), 2014. S. 151-157.

Korolev K. M. Kitayskaya mifologiya: entsiklopediya / sost., obshch. red. i predisl. K. M. Korolev. M.: Eksmo; SPb.: Midgard, 2007. 414 s.

Lobanova T. N. Perevodcheskiy i aksiologicheskii aspekty tekstov kitayskikh skazok / T. N. Lobanova, A. S. Novikova // Uchenye zametki TOGU. 2014. T. 5. № 1. S. 127-132.

Malyavin V. V. Kitayskaya tsivilizatsiya. M.: Dizayn. Inform. Kartogr. [i dr.], 2001. 627 s.

Martynova N. V. Fenomen traditsionnogo kitayskogo ornamental'nogo iskusstva tszyan'chzhi: traditsii i sovremennost' / N. V. Martynova, D. R. Slipetskaya // American Scientific Journal. 2020. № 37-1(37). S. 12-17.

Meletinskiy E. M. Geroy volshebnoy skazki. M.: Akademiya Issledovaniy Kul'tury; SPb: Traditsiya, 2005. 237 s.

Meletinskiy E. M. O literaturnykh arkhetyпах. M.: RGGU, 1994. 146 s.

Riftin B. L. Kitayskaya mifologiya // Mify narodov mira: entsiklopediya : v 2 tt. / pod red. S. A. Tokareva. Moskva – Minsk: Rusich, 1994. T.1. S. 653-662.

Riftin B. Predislovie // Skazki Kitaya. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2007. S. 5-24.

Seybel' N. E. Ritual'nye funktsii volos Sun' U-Kuna v romane U Chen-Enya «Puteshestvie na Zapad» // Nauchnyy dialog. № 2, 2021. S. 218-230.

Sorokin V. F. Kitayskaya literatura // Dukhovnaya kul'tura Kitaya: entsiklopediya: v 5 t. / gl. red. M. L. Titarenko; In-t Dal'nego Vo-stoka. T.3. Literatura. Yazyk i pis'mennost'. M.: Vost. lit., 2008. 855 s.

Speshkov N. A. Pesenno-povestvovatel'noe iskusstvo // Dukhovnaya kul'tura Kitaya: entsiklopediya: v 5 t. / gl. red. M. L. Titarenko; In-t Dal'nego

Vostoka. T.3. Literatura. Yazyk i pis'mennost'. M.: Vost. lit., 2008. 855 s.

Dukhovnaya kul'tura Kitaya: entsiklopediya: v 5 t. / gl. red. M. L. Titarenko; In-t Dal'nego Vostoka. T.2. Mifologiya. Religiya / red. M. L. Titarenko i dr. M.: Vost. lit., 2007. 869 s.

Toporov V. N. Peshchera // Mify narodov mira: entsiklopediya v 2 tt. / pod red. S. A. Tokareva. Moskva – Minsk: Rusich, 1994. T. 2. S. 311-312.

Uporov A. V. Sushchnost' kitayskikh skazok, aspekty i etapy ikh izucheniya i problemy tipologii // Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova. 2019. № 3(29). S. 108-115.

Shen' T. Simvolizm v narodnom kitayskom iskusstve khudozhestvennoy vyrezki uzorov iz bumagi / T. Shen', S. Chzhou // Vestnik nauchnykh konferentsiy. 2016. № 2-1(6). S. 114-118.

Yan Khin-Shun. Dao De Tszin. Drevnekitayskaya filosofiya: sobranie tekstov v 2 tt. M.: Mysl', 1972. 363 s.

Yan Khin-Shun. Drevnekitayskiy filosof Lao-Tszy i ego uchenie. M.; L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1950. 158 s.

栾建华. 葫芦兄弟 (全13册. 南方出版社, 2016. 416 页.

Научный руководитель: Сейбель Н. Э., д.ф.н., доцент, проф. кафедры литературы и методики обучения литературе Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета

Данные об авторе

Author's information

Степанова Екатерина Олеговна – студент факультета дошкольного образования, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет.
E-mail: stepanova2@cspu.ru

Stepanova Ekaterina Olegovna – a student of the Faculty of Preschool Education, South Ural State Humanitarian Pedagogical University.
E-mail: stepanova2@cspu.ru

Ху Чжиюань – аспирант факультета дошкольного образования, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет.
E-mail: 179855051@qq.com

Hu Zhiyuan – a graduate student of the Faculty of Preschool Education, South Ural State Humanitarian Pedagogical University.
E-mail: 179855051@qq.com